

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

К 90-летию
со дня рождения А. А. Караваевой

Летом 1920 года в старинный алтайский город Барнаул прибыла группа конников во главе с молодым военкомом для организации здесь одной из первых в нашей стране совпартшкол. Гражданская война шла к концу. Пора было налаживать мирную жизнь. И потому декретом Совнаркома срочно отзывали из армии историков и математиков, врачей, «работников просвещения и социалистической культуры». Прямо с фронтов приходили вместе с учителями будущие учащиеся, в буденовках, в папах с кумачовыми партизанскими лентами, с оружием в руках, и, еще не успев остыть от горячки ожесточенных битв, усаживались за учебники. В барнаульской совпартшколе первого призыва и начала преподавать «бестужевка», жена военкома, будущая писательница Анна Караваева.

«В нашей школе, — вспоминала А. Караваева, — много было алтайских партизан. Приходя к нам, была прямота, правда, понимание, что такое борьба за Советскую власть. Атмосфера дружная, все вместе, — учителя совпартшколы тут же жили. Ученики подчас старше нас лет на десять. Опыт у них боевой... Этот народ много знал, знал жизнь. Рассказывали и о прошлом Сибири...»

Здесь-то, в этой народной среде, и почерпнула Анна Караваева свои темы, здесь нашла яркие характеры для первых книг. «Да, чудесная это была эпоха. Наши герои выходили прямо из гущи жизни».

В старом городе все менялось, кипело, бурлило, дышало радостной новизной. Возникла литературная организация; в местной газете «Красный Алтай» стали печататься стихи и очерки молодой писательницы.

«Пронеслась весть: журнал в Сибири обещают. Емельян Ярославский во главе — его инициатива, он и первый редактор. «Сибирские огни» при-

слали человека в Барнаул — искать авторов, силы литературные объединять», — рассказывала позднее Анна Караваева.

На страницах молодого журнала, возникшего в 1922 году в Новосибирске (тогда Новониколаевске), в начале 1923 года и была напечатана ее повесть «Флигель» — о маленьком сибирском городке, о людях, которые пытаются отсидеться от революции, притаившись в своих обветшалых домишках. Здесь и определился важный мотив всего творчества писательницы, мотив противостояния прошлого и новизны истории.

Свежие ветры социальных перемен победоносно врываются в застойный быт глухих окраин. Об этом говорили и две следующие повести писательницы: «Медвежатное» (1925) — о разгоравшейся классовой борьбе в деревне (ка была это реальная история одного из наших учеников совпартшкольских. Убили его брата в деревне, кулачье...) и повесть «Двор» (1926), напечатанная уже в Москве, в журнале «Новый мир», — о возвращении после гражданской войны красной армией Степана Баюкова домой, в родную деревню, к своему крестьянскому хозяйству, к своему «двору» и оказавшемуся перед необходимостью решающего выбора: каким путем теперь идти — назад к прошлому или начинать жить по-новому, «по-ленински»? Писательница и здесь, обратившись к реальному судьбам, остро обнажила весь драматизм этой сложной идейно-психологической ситуации. Именно потому состоялись у нее в конце двадцатых годов важный творческий разговор с А. Серафимовичем, «Старший», как его называли молодые советские писатели, сравнивая Степана Баюкова с одним из персонажей

собственного романа «Город в степи», размышлял над тем новым, что уловила Анна Караваева в социальных процессах современности. Его Захарка Куроедов неотступен был от своих житейских принципов — ведь он из тех «жадных людишек», у кого «одна забота: вырвать, схватить, проглотить»; закоснели они уже так, что никакие «психологических мучений вообще не знают». А Степан Баюков — на распутье: он из «натур честных и сильных», но поддающихся «вторжению чувств старого мира собственничества» и оттого страдающих «особенно мучительно». При вольном или невольном отступлении к прошлому способны «ужаснуться» они — «словно потрясены собой». Вот это душевное «потрясение» и раскрыла А. Караваева в своем герое, показала, как нашел Степан силы преодолеть власть «двора». Такова была правда его образа, что и разглядел в повести и одобрил А. Серафимович.

К этой же теме внутренней перестройки людей обратится писательница в романе «Лесозавод» (1928), где дана широкая картина восстановления старых заводов и рождения новой промышленности в самых глухих углах сибирского края.

А. Караваева рассказывала о том, что наблюдала сама в алтайской глубинке, — как «перешивелась жизнь» старой деревни, куда рабочие коллективы принесли не только мощные машины, но и дух созидания, новое отношение к труду.

Роман «Лесозавод» получил высокую оценку А. Луначарского:

«...написан превосходно, читается с захватывающим вниманием и совершенно правдиво рисует интересное явление нашего времени, а именно непосредственное соприкосновение завода и глухой де-

ревни при проникновении нашей промышленности в глубь полей и лесов».

Тема труда как созидания, как преобразования не только материального мира, но и человеческой личности, возникнув еще в ранних произведениях писательницы, определила направленность всего ее творчества. Переселившись в 1928 г. в Москву, где вскоре возглавила она литературно-художественный журнал «Молодая гвардия» (1931—1938), Анна Караваева продолжает неутомимо разъезжать по заводам и стройкам страны, по колхозам, изучая сложные перемены, происходившие вокруг. Об этом говорят повести «Крутая ступень» (1930), «Баян и яблоко» (1932).

Но подлинный размах «рабочая тема» приобрела для нее как художника в суровые дни Отечественной войны. Находясь тогда на Урале и освещая на страницах «Правды» работу оборонного тыла, писательница творчески была связана с заводами Нижнего Тагила, Ревды, Дегтярки, с прославленным «Уралмашем». Многообразные жизненные впечатления легли в основу ее шести документальных «невдуманных повестей» о передовиках-сталеварах — «Уральские мастера» (1941—1942) и трилогии «Родина», над которой работала Анна Караваева целое десятилетие — с осени 1941 г. вплоть до конца 1950 г. В первом романе — «Огни» (1943 г.) — рассказано о «великом переселении заводов» с юга на Урал, о том, как в тылу развертывалась и крепла оборонная промышленность. Две части романа «Разбег» (1944—1947) — «Весенний шум» и «Наступление» — говорят не только о переломе в ходе войны, но и о том, как на фронт могучим потоком хлынуло оружие — танки, самолеты, артиллерия. Завершающая трилогию книга «Родной дом» (1949—1951) была написана в результате поездки А. Караваевой осенью 1943 г. в район ожесточенных битв на Курской дуге. И здесь писательница положила начало новой теме в нашей литературе — теме возрождения из руин тех областей страны, где прокатился огненный вал жесточайших битв с захватчиками. Радость труда обретает в романе лирико-эпическое звучание:

«Еще шла война, а варварски разрушенный врагом город уже вставал из пепла — и

все, что я видела там, показывало неистребимую силу советского народа, устремленную неизменно к жизни, к созиданию во имя мира».

Писательница задумывается над главной исторической задачей нашего времени — защитить народы мира от разрушительных войн, от уничтожения всего, что создано руками человеческими. Этой мыслью пронизана ее публицистика последних лет.

Документальные очерки «Во Франции» (1946) написаны после поездки с советской делегацией на Первый национальный конгресс французских женщин (Анна Караваева довелось побывать в партизанском крае, в районе макй, в центрах французского Сопротивления). Это было особое время, «весна Победы», вспоминала писательница, но еще везде «виднелись раны, оставленные фашизмом». Именно потому и создала она в своих очерках целую галерею борцов Сопротивления — писательница с ними встречалась, беседовала, записывала возлюбленные рассказы этих боевых партизан, героических подпольщиков. Внутренний лиризм документальных очерков усиливал основную мысль автора: народы мира не должны бездействовать, их долг — положить конец безумию войн. Писательница призывала обуздать современных агрессоров. «С глубокой тревогой узнали все мы о том, — писала она, — что США намерены приступить к производству нейтронной бомбы». И твердо выдвинула требование «безотлагательного запрещения этого бесчеловечного оружия».

Многое было увидено, пережито, передумано советской писательницей за долгие годы работы в литературе. Место художника в процессе общенародного созидания хорошо определила она, сказав, что современный писатель — «не только боец, соратник и участник строительства, но и в какой-то мере ответчик за него». И от этой трудной, но обязательной для подлинного художника ответственности, которая, «наполняя жизнь и творчество писателя огромным, невиданным смыслом», требовала полной отдачи общенародному делу, Анна Караваева никогда не отступала, всегда с честью несла эту ответственность.

Л. СКОРИНО

КРИТИКА КРИТИКИ

ПЕРВОЕ, на что обращаешь внимание, знакомясь со сборником статей В. Кожина, — это на бесспорный ряд имен, о которых пишет исследователь: В. Шукшин, В. Белов, В. Соколов, Н. Рубцов, А. Прасолов... Нет, в намерения автора не входило впасть еще один похвальный листок в те лавры, которыми критики увенчивают признанных писателей. Сборник В. Кожина ретроспективный, в него вошли работы, написанные почти за два десятилетия. Когда они писались, имена, к которым обращался исследователь, были далеко не безусловны.

Перед нами отклики на первые книги, на журнальные публикации людей, которые в середине 60-х годов были мало кому известны. Конечно, не только В. Кожин откликнулся, например, на первую повесть В. Белова, на первую книгу В. Шукшина. Но критика отличала широта охвата литературного потока, умение связать появляю-

щиеся произведения с точно выявленным основным направлением современного художественного процесса.

В. Кожин азартно ищет истину, и если подчас его суждения субъективны — это следствие той же азартности. Он отстаивает свою правоту с темпераментом и мастерством прирожденного полемиста. Разряды полемической запальчивости и сейчас, спустя годы после написания статей, озаряют страницы книги. Она и открывается полемическим пассажем:

«Эту статью мне захотелось написать потому, что критические суждения Г. Митина о рассказе Василия Шукшина «Степнина любовь» вызвали у меня решительное сопротивление. Мне кажется, что рассказ этот принадлежит к настоящему искусству. А как полагал Лев Толстой — едва ли он сильно преувеличил, — к подлинному искусству из числа создаваемых произведений принадлежит лишь одно из ста тысяч».

Высокая оценка творчества В. Шукшина сейчас воспринимается как должная. Читатель, позабывший уже о литературных

Подтверждено временем

буднях 60-х годов, пожалуй, даже удивится — неужели надо было спорить о произведениях, получивших сейчас едва ли не единодушное признание. Да, надо было спорить, а порой и защищать, и объяснять значение созданного художником.

Основной пафос книги — разграничение литературы истинно художественной и той, что ориентирована на моду, а также литературной беллетристики, и шире — в различении ценностей подлинных и мнимых. Критерий, на основании которого автор оценивает произведения, — это способность не просто отразить жизнь, сегодняшний день общества, но выявить «подлинный смысл сегодняшнего дня, с которым день этот входит в Историю и остается с ней навсегда».

Оправдана полемика автора с довольно распространённым поверхностным представлением о гражданственности в литературе. Гражданственность, справедливо утверждает Кожин, — не просто выражение литератором тех или иных публицистических идей, это «личная ответственность человека» за судьбу мира.

Следовало бы только во избежание превратных толкований оговорить, что принятие ответственности за все происходящее ни в коем случае не означает простого принятия совершающихся событий без их нравственной оценки, без четкого разграничения социального добра и зла. Ответственность человека — и в первую очередь художника — проявляется в бескомпромиссной борьбе со злом,

подлостью, фальшью, в творческом утверждении начал добра, благородства, красоты.

Наряду с понятием ответственности поведение художника — одно из центральных понятий в книге. Мастерство не есть какой-то внешний по отношению к жизни творца дар, оно выстрадано всей его жизнью. Позиция В. Кожина близка здесь позиции русской классической критики, всей русской литературы.

Разумеется, в книге В. Кожина не все можно принять. На мой взгляд, похвалы поэзии Ю. Кузнецова, далеко неоднозначно воспринимаемой критиками, нуждаются в большей аргументированности. Впрочем, не стану фиксировать внимание на подобных, хотя и немаловажных, но все-таки частностях. Значение новой работы В. Кожина определяют не они, а масштабность охвата литературного процесса, страстные поиски истины, плодотворность которых подтверждена временем.

Александр КАЗИНЦЕВ

Вадим Кожин. «Статьи о современной литературе». Издательство «Современник». 1982. 303 стр. 80 коп.